

Гришковец
Евгений

30.03.01

ПРОФИЛЬ

ОДИНОКИЙ КОВБОЙ

Евгений Гришковец: «Не хочу занимать чужого места, хочу быть уместным на своем»

*Итоги - 2001 - 30
март (№13) - с. 50-53*

Дина Годер
ЧЕЛОВЕК - ТЕАТР

СЛУХИ О НЕМ ПОЯВИЛИСЬ ГДЕ-ТО В 1993–1994-м. Несколько молодых московских критиков увидели его на каком-то фестивале и рассказали, что, мол, есть в Кемерове такой парень, Женя Гришковец, который со своим театром «Ложа» делает совершенно необычные вещи — спектакли, полностью построенные на импровизации. И делает здорово. Через несколько лет уже рассказывали, что он поставил моноспектакль «Как я съел собаку» и даже пробовал показать его в Москве, но это не очень получилось, и так его никто как следует и не видел. Впервые по-настоящему, как человек-театр, Гришковец приехал в Москву три с половиной года назад, на первый фестиваль NET, с той самой «Собакой». Он выходил на сцену в светлой матросской форме и бескозырке и рассказывал о том, как три года служил на Тихоокеанском флоте, на острове Русский. То есть рассказывал

он не о самой службе, а о каких-то несущественных ее деталях, которые становились вдруг страшно важными. По странному закону сбивчивого, захлебывающегося рассказа он вдруг вспоминал, как маленьким шел в школу зимой, а в темноте ядовито светились окна класса русского языка, где сидела ненавидевшая его учительница. И как хотелось туда не идти. Или о том, как однажды в армии «наказывали искусством» — двадцать раз подряд по ночам в летнем кинотеатре заставляли смотреть «Жестокий романс» без звука и не спать. И как, должно быть, его сослуживцы узбеки ненавидели Михалкова, самодовольно открывавшего рот, — они же не знали, что он поет про мохнатого шмеля. В тот раз, на NETе, он так волновался, что забыл рассказать историю, как же, собственно, он съел собаку, которую тайно приготовил сослуживец-кореец. О том, что все время думал о девочке или старушке, которые ее ищут, но все равно было вкусно.

Был 1998 год, Гришковец только что переехал из Кемерова в теплый Калининград, ходил в большущей кепке, был открыт и казался совершенно счастливым: восхищался,

что ночью просыпается от стука за окном — с деревьев яблоки падают, что электросчетчик с какими-то медными ручками сохранился в его доме еще с довоенных немецких времен, рассказывал истории о пивных, в которые можно зайти, выставить пива, спросить: «Кто в море ходил?» и до утра слушать моряцкие байки. Тогда все в него влюбилось. Но в тот момент, казалось, еще трудно было объяснить, в чем же феномен его театра. Были люди, которые говорили, что это обычные застольные байки, которые может наговорить всякий (самое смешное, что позже то же самое с важностью повторял даже известный актер, играющий в пьесе Гришковца и имеющий в ней успех). Кто-то говорил, что дело только в обаянии самого Гришковца, его манеры, что текст потеряет все, если его записать или отдать произносить другому. И то, и другое было не так, но главное все равно ускользало...

Через год, опять на NETе, Гришковец показал свой следующий спектакль — «ОднорЕмЕнно», который был построен значительно сложнее. Здесь уже не было не только сюжета, но и внятной темы. Это была по-